

УДК 94(47).08:336.77

Толпыгин Михаил Романович, студент, Братского государственного
университета, г. Братск

**КРЕСТЬЯНЕ-БАНКИРЫ: ДЕРЕВЕНСКИЕ РОСТОВЩИКИ И ИХ
КЛИЕНТЫ В СИСТЕМЕ НЕФОРМАЛЬНОГО КРЕДИТА
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация

В статье исследуются механизмы неформального сельского кредита в Российской империи второй половины XIX – начала XX века. Отталкиваясь от стереотипного образа «кулака-миroeда», автор реконструирует социальный портрет заёмщика, систему оценки кредитоспособности, экзотические формы залогов и роль устного договора при свидетелях. Показано, что народный кредит, базировавшийся на обычном праве и общинной репутации, являлся сложным социально-экономическим институтом, лишь частично вытесненным с появлением банковской системы. Особое внимание уделено крестьянскому кредитному рейтингу, категориям нужды и предпринимательского спроса на заёмные средства, а также залогам икон, невестиных сундуков и будущего урожая. Работа опирается на материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, труды по обычному праву и современные исследования аграрной истории.

Annotation

The article examines the mechanisms of informal rural credit in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. Based on the stereotypical image of a «world-eating fist», the author reconstructs the social portrait of the borrower, the creditworthiness assessment system, exotic forms of collateral and the role of an oral contract with witnesses. It is shown that people's credit, based on customary law and community reputation, was a complex socio-economic institution that was only partially replaced with the advent of the banking system.

Special attention is paid to the peasant credit rating, the categories of need and business demand for borrowed funds, as well as the pledge of icons, bride's chests and future harvest. The work is based on the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev, works on customary law and modern research on agrarian history.

Ключевые слова: ростовщичество, крестьянство, община, кулачество, кредитный рейтинг, устная сделка, обычное право, залог иконы, будущий урожай.

Keywords: usury, peasantry, community, kulaks, credit rating, oral transaction, customary law, pledge of an icon, future harvest.

Введение. Образ кулака-миroeда, ссужающего голодающему односельчанину мешок зерна под грабительские проценты, прочно укоренился в историческом сознании. Этот шаблон, тиражированный советской пропагандой и литературой, грешит чрезмерной плоскостью. За фигурой деревенского ростовщика скрывается сложная система неформального кредита, где заёмщик не всегда был безответной жертвой, а кредитор – исключительно паразитическим элементом. Вопрос о том, кто, на каких условиях и под какие гарантии брал займы, позволяет увидеть подлинную природу народного капитализма до эпохи массовой банкиризации.

Цель настоящей статьи – реконструировать микромир «крестьян-банкиров» через анализ трёх ключевых элементов неформального кредитного рынка: критериев кредитного рейтинга, экзотических форм залога и механизмов обеспечения обязательств, основанных на обычном праве. Хронологические рамки исследования охватывают пореформенный период (1860-е – 1917 гг.), когда старые кредитные практики столкнулись с модернизационными вызовами, но сохраняли устойчивость благодаря информационной прозрачности крестьянской общины.

Методология и источниковая база. Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий методы микроистории, исторической антропологии и социологии повседневности. Источниковую

базу составляют материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, содержащие детальные описания хозяйственного быта и кредитных отношений пореформенной деревни [1]; труды по обычному гражданскому праву С.В. Пахмана, фиксирующие правовые обычаи волостных судов [2]; а также классические работы М.М. Громько [3] и современные монографии М.А. Давыдова [4] и Б.Н. Миронова [5]. Вспомогательное значение имеют исследования С. Антонова, посвящённые культуре частного кредита в Российской империи [6], и В.В. Прохорова, анализирующего эволюцию учреждений мелкого кредита [7].

Результаты исследования.

1. Кредитный ландшафт пореформенной деревни. До распространения учреждений Крестьянского поземельного банка (1883) и кредитной кооперации основным источником заёмных средств выступала сама деревня. Официальный банковский кредит оставался для большинства общинников недоступным в силу бюрократических барьеров, отсутствия формальных титулов собственности на землю (до Столыпинских реформ) и неграмотности [7, с. 42]. Рынок частного кредита был многоярусным: от профессиональных ростовщиков, оперировавших сотнями рублей, до зажиточных соседей, ссужавших «до новины» 5–10 руб. Термин «кулак» в хозяйственном смысле означал не столько паразита, сколько держателя свободных ресурсов [5, с. 402]. Его капитал формировался не только из эксплуатации, но и за счёт более высокой производительности труда и рыночной конъюнктуры. В отличие от городского банкира, деревенский кредитор жил в условиях прозрачности: он ежедневно наблюдал за бытом своего клиента, что кардинально меняло суть кредитной оценки.

2. Социальный портрет заёмщика и система кредитного рейтинга. Клиентура деревенского ростовщика была крайне неоднородной. Спрос на деньги порождался не только голодом. Можно выделить несколько основных категорий заёмщиков. «Нужда крайняя» возникала вследствие неурожая, падежа скота, болезни кормильца или необходимости экипировки новобранца

(рекрутский набор). В этих случаях кредит носил потребительский характер, а процент по нему был максимальным ввиду высоких рисков невозврата. «Нужда обрядовая» – свадьба, крестины, похороны – требовала непомерных для рядового бюджета расходов. Исследователи отмечают, что респектабельное проведение обрядов жизненного цикла рассматривалось крестьянами как социальный императив, ради которого они готовы были залезать в долговую кабалу [6, с. 178].

Существовал и предпринимательский спрос на заёмные средства: покупка скота, аренда земли, закупка сырья для кустарного промысла. Этот тип кредитования уже приближается к прообразу производственного кредита и свидетельствует о зачатках аграрного предпринимательства. Кредитный рейтинг односельчанина был категорией не экономической, а социально-трудовой. Источники личного происхождения и материалы Тенишевского бюро фиксируют, что при оценке платёжеспособности ростовщик руководствовался в первую очередь составом семьи: «много ли рабочих рук» [1, с. 312]. Большая неразделённая семья с несколькими взрослыми сыновьями считалась идеальным заёмщиком – их трудовой потенциал служил гарантией возврата долга через заработки на отхожих промыслах. Репутация «исправного хозяина» (отсутствие пьянства, рачительность, исправное содержание скотины и инвентаря) ценилась выше расписки. Напротив, одинокий бобыль, ленивый или пьющий домохозяин получить ссуду практически не мог, даже обладая ценным наделом. Община выступала коллективным информационным агентством, где скрыть экономическое неблагополучие было невозможно [3, с. 89]. Таким образом, рейтинг строился на анализе прошлого трудового поведения и будущей способности к труду.

3. Экзотические формы залога: иконы, невестины сундуки и будущий урожай. В отсутствие у большинства крестьян ликвидного товарного имущества ростовщики выработали специфические формы обеспечения. Классическая недвижимость (надельная земля) долгое время не могла быть отчуждена, поэтому залог принимал формы, парадоксальные с точки зрения

формального права. Залог будущего урожая (сделка «на корню», или «зелёный кредит») являлся наиболее массовым. Кредитор авансировал семена, хлеб или деньги весной, получая осенью зерно с надбавкой в 30–50%. В случае неурожая риск частично ложился на кредитора, хотя долг не аннулировался, а перезакладывался на следующий сезон. Именно этот механизм чаще всего превращал нерадивого хозяина в вечного должника [4, с. 156].

Особый интерес представляет заклад «духовного» имущества. В практике волостных судов и бытовых хрониках зафиксированы случаи приёма в залог икон и церковной утвари [2, с. 218]. Это имело двойной смысл: материальный (оклад и само писание имели цену) и сакральный. Считалось, что, закладывая икону, человек отдаёт в залог своё духовное благополучие, что служило мощнейшим психологическим стимулом к возврату долга. Невозврат грозил не только судом, но и «Божьей карой» и позором среди общинников. Невестин сундук с приданым, принимавшийся в заклад, символизировал честь и репродуктивный капитал семьи. Приданое (полотно, одежда, перины) создавалось годами; лишиться сундука означало перспективу остаться незамужней для дочери или прослыть несостоятельным отцом. Денежная стоимость постелей и шуб была невысока относительно суммы займа, но субъективная ценность таких вещей делала их мощным инструментом обеспечения. Встречались также сезонные залоговые одежды зимой с правом выкупа к холодам, что гарантировало высокую мотивацию должника [1, с. 445].

Следует отметить гендерный аспект: женское имущество (сундуки, украшения, предметы рукоделия) часто выступало как «последний резерв» домохозяйства, закладываемый в ситуациях крайней нужды. Заклад женских вещей являлся маркером предельной степени обнищания семьи.

4. Устный договор против векселя: репутация как юрисдикция. Парадокс дореволюционной кредитной системы заключался в том, что устный договор при свидетелях зачастую работал надёжнее официального письменного векселя или кабальной записи. Вексель, будучи инструментом городского

коммерческого оборота, входил в противоречие с крестьянским обычным правом. Главная проблема векселя состояла в сложности судебного взыскания. Чернильные записи упирались в неграмотность ответчика, возможность заявить о «безденежности» займа, а главное – в отсутствие у крестьянина формального имущества, подлежащего аресту и продаже. Община могла отказать судебному приставу во вводе во владение наделной землёй или воспрепятствовать описи инвентаря [4, с. 94].

Устный договор «при добрых людях», напротив, инкорпорировал сделку в механизм мирского самоуправления. Свидетели, часто пользующиеся авторитетом (староста, старожилы), выступали гарантами истинности условий. При споре их показания на волостном сходе имели силу доказательства [2, с. 312]. Проигравший тяжбу терял репутацию не только перед кредитором, но и перед всей общиной. Это означало социальную смерть: отказ в помощи при пожаре, невозможность выдать дочь замуж, отказ в «помочи» (коллективной толоке). Круговая порука и «стыд» оказывались репрессивным аппаратом куда более действенным, чем судебный пристав. Именно поэтому многие зажиточные крестьяне предпочитали давать займы без бумаг: «слово крестьянина крепче акции» [3, с. 312].

Нормы обычного права санкционировались государством через институт волостных судов, что создавало в Российской империи уникальную ситуацию правового дуализма: с одной стороны, действовало официальное законодательство, регулировавшее залоговые отношения, с другой – крестьянская масса продолжала решать дела «как исстари повелось», сообразуясь с народными представлениями о справедливости [8].

Обсуждение. Сравнительный анализ позволяет говорить о том, что крестьянский неформальный кредит выполнял функции, в современной экономике распределённые между банковским сектором, микрофинансовыми организациями и системами социального страхования. Механизмы оценки кредитоспособности, основанные на репутационных сигналах и социальном капитале, типологически сходны с современными моделями

микрокредитования (например, групповая солидарная ответственность в Grameen Bank М. Юнуса).

В то же время данная система имела принципиальные ограничения: высокая ставка процента (30–50% годовых) консервировала бедность значительной части заёмщиков, а отсутствие формальных механизмов разрешения споров создавало поле для злоупотреблений. Не случайно государственная политика второй половины XIX века была направлена на постепенное замещение частного ростовщичества учреждениями мелкого кредита и кредитной кооперацией. Однако, как показывают исследования, и после создания институциональной инфраструктуры неформальные кредитные практики продолжали существовать вплоть до коллективизации [7, с. 198].

Заключение. Народный кредит дореволюционной России представлял собой гибкую систему, далеко выходящую за рамки хищнической эксплуатации. Кредитор-односельчанин брал на себя функции андеррайтера, анализируя не столько залоговую массу, сколько трудовой потенциал, семейный цикл и психологический портрет клиента. Экзотические формы залога (иконы, невестины сундуки) демонстрируют тотальную мобилизацию всех видов капитала – от материального до символического. Устный договор при свидетелях служил напоминанием о том, что в закрытой аграрной общине информационная прозрачность и страх перед потерей лица являются основой кредитоспособности.

Именно эта народная кредитная логика была впоследствии разрушена сначала столыпинским выделением хуторов, а затем советской коллективизацией, заменившей персонифицированный «кулацкий» процент обезличенным государственным изъятием.

Литература

1. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т. 5. – СПб.: Деловая полиграфия, 2006. – 624 с.

2. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. – Т. 1. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1877. – 447 с.
3. Громько М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 446 с.
4. Давыдов М.А. Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). – М.: Изд. центр РГГУ, 2003. – 568 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. – Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
6. Антонов С. Банкроты и ростовщики Российской империи: Долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского / авториз. пер. с англ. Н. Эдельман; науч. ред. пер. М. Лавринович. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 503 с.
7. Прохоров В.В. Учреждения мелкого кредита Российской империи: от сословных банков до кредитных кооперативов и их союзников: монография. – Красноярск: СибГУ, 2023. – 259 с.
8. Ковалёва Н.А. Залог движимого и недвижимого имущества по обычному праву крестьянства Российской империи // История государства и права. – 2020. – № 12. – С. 25–31.

Literature

1. Russian peasants. Life. Mode of life. Morals: materials of the «Ethnographic bureau» of Prince V.N. Tenishev. – Vol. 5. – St. Petersburg: Business Polygraphy, 2006. – 624 P.
2. Pakhman S.V. Customary civil law in Russia. – Vol. 1. – St. Petersburg: Printing house of the Second department of its Own E.I.V. Chancellery, 1877. – 447 P.
3. Gromyko M.M. The World of the Russian village, Moscow: Molodaya

Gvardiya Publ., 1991, 446 P.

4. Davydov M.A. Essays on the agrarian history of Russia in the late 19th – early 20th centuries. (based on the materials of transport statistics and land management statistics). – M.: Publishing house of the RGGU Center, 2003. – 568 P.
5. Mironov B.N. The social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. – Vol. 1. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. – 548 P.
6. Antonov S. Bankrupts and usurers of the Russian Empire: Debt, property and law in the time of Tolstoy and Dostoevsky / author. translated from English by N. Edelman; scientific ed. by M. Lavrinovich. – M.: New Literary Review, 2022. – 503 P.
7. Prokhorov V.V. Small-scale credit institutions of the Russian Empire: from estate banks to credit cooperatives and their allies: monograph. – Krasnoyarsk: SibGU, 2023. – 259 P.
8. Kovaleva N.A. Pledge of movable and immovable property under the customary law of the peasantry of the Russian Empire // History of the State and law. – 2020. – № 12. – P. 25–31.